

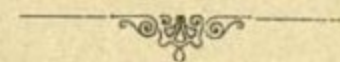
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ I.

Четвертое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

—
1897.

Дорогіє Друзья!

Представляемъ Вамъ разсказъ Ивана Сергѣевича Тургенева «Бѣжинъ лугъ». Онъ входитъ въ циклъ очерковъ «Записки охотника», сложившійся, въ основномъ, за пять лѣтъ (1847—1852 годы).

По пути къ дому послѣ успѣшной охоты, подъ вечеръ, авторъ заблудился, и уже думая переночевать въ лѣсу, онъ случайно увидѣлъ костеръ, возлѣ котораго находились люди. Авторъ рѣшился подойти къ нимъ съ цѣлью дождаться вмѣстѣ съ ними зари. Тѣми людьми оказались пятеро деревенскихъ мальчишекъ, которые пасли табунъ лошадей. Съ глубокой симпатіей описываетъ авторъ этихъ мальчиковъ, у каждого изъ которыхъ свой характеръ, внѣшность, свои особенности, представленія о жизни.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію разсказа отъ 1897 года ¹.

Пріятнаго Вамъ прочтенія, Друзья!

¹ Тургеневъ, И.С. Живыя мощи / Записки охотника / И.С. Тургеневъ. – С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Типографія Глазунова, 1897. – Т. 1. – С. 404–420.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

И.С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ I.

Четвертое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.
1897.

ОТДѢЛЬ I.

ЗАПИСИ ОХОТНИКА

ВЪ ОДНОЙ КНИГѢ.

БѢЖИНЪ ЛУГЪ.

Быль прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное — мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутого облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску ковананаго серебра.... Но вотъ, опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ но безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣсняются, синевы между ними уже не видать, но сами они такъ-же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ, кое-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: — то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленные, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на

мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ-же спокойно, какъ спокойно вошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «парить» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба.

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашель и настрѣляль довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожидаемой знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо напротивъ, крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся... «Эге!»

подумалъ я: «да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши уже носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. «Вотъ, какъ только я выйду на тотъ уголь», думалъ я про себя, «тутъ сейчасъ и будетъ дорога; — а съ версту крюку я даль!»

Я добрался, наконецъ. до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошеные, низкіе кусты широко разстиались передо мною, а за ними, далѣко-далѣко, виднѣлось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?... Да гдѣ-же я?» — Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіи дня.... «Э! да это Парахинскіе кусты!» воскликнулъ я наконецъ: «точно! вонъ это, должно быть, Синдѣвская роща.... Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко?.... Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало, — одни

перепелà изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрѣлъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновениемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть, — но тò уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что я было-принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. «Да гдѣ же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желтопѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней, — казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія, и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрекъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ

выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшій во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ — на удалую.... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ-роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцающа, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ

славится въ нашихъ околоткахъ подѣ названіемъ Бѣжина-Луга.... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мною отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дожждаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздавались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ. отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ — большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, наостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилежъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ-будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозинка и разомъ исчезнетъ; — острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая, съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума.... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснѣтъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной.... Одни огоньки тихонько

потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было-захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ-бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Оеда, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоръ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изъ всѣхъ, Оедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ, съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полу-веселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовскіе. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котель, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый, — чтò и говорить! — а все-таки, онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ

щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость: сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились, — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестявшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, — на его языкѣ по крайней мѣрѣ, — не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго, и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва-было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смиренхонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ, въ сторонѣ, и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней: въ немъ варились

«картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Өдея лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчишки опять разговорились.

Сперва они покаляли о томъ и семь, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Өдея обратился къ Ильюшѣ и, какъ-бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и чтò-жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, — отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соответствовалъ выраженію его лица: —я слышалъ.... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? — спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ *.

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ **.

— Вишь ты — фабричные!...

— Ну. такъ какъ же ты его слышалъ? — спросилъ Өдея.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Өедоромъ Михѣевскимъ. да съ

* «Рольней» и «черпальной» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

** «Лисовщики» гладятъ, скоблятъ бумагу.

Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребяташки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять — какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говорить: чтò моль, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались, и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, чтò, моль, ребята, ну, какъ домовой придетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходить, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещать; вотъ, прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумить, зашумить; застучить, застучить колесо, завертится; но а заставки у дворца-то * спущены. Дивимся мы: — кто-жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спускается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонуть.... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ, — дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего.... Вдругъ, глядь, у одного чана форма ** зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ея полоскалъ, да

* «Дворцомъ» называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

** Сѣтка, которой бумагу черпають.

и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ.... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли.... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ! — промолвилъ Павелъ. — Чего-жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что — спросилъ Ѳедя: — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры.... Вишь, плеснула, — прибавилъ онъ повернувъ лицо въ направленіи рѣки: — должно быть, щука.... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, расскажу, — заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ: — послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ рассказывалъ.

— Ну, слушаемъ, — съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну, да; знаемъ.

— А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый: все молчить, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ, по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ, и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь

утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ, задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ; качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется.... А мѣсяць-то свѣтилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяць, — все, братцы мои, видно. Вотъ, зоветъ она его, и такая сама вся свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный.... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужь Гаврила-было и всталъ, послушался-было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ.... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говорить: рука, просто, какъ каменная, не ворочается.... Ахъ, ты этакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ.... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься-бы тебѣ», говорить, «человѣче, жить-бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся-же и ты до конца дней». Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилъ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выдти.... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходить.

— Эка! — проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья: — да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть хрестіанскую душу спортить, — онъ же ея не послушался!

— Да вотъ, поди ты! — сказалъ Костя. — И Гаврила баиль, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это рассказывалъ? — продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на палатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?... А знать, онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватилъ Ильюша. — Какъ же! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, — замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Костя: — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: — рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ-бы замирая. Прислушаешься, — и какъ-будто нѣтъ ничего, а звенить. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ-будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! — шепнулъ Илья.

— Эхъ, вы, вороны! — крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты? — сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — началъ Ильюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Оедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли * водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай....

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Оедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ, а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ.... Вотъ, на дняхъ, зоветь прикащикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ помориль: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ, поѣхаль Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяць свѣтитъ.... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ёдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на

* По-орловскому: змѣи.

могилѣ барашекѣ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзь, и взялъ его на руки.... Но а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него тарашится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, молъ, не помню я, чтобы такъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его такъ по шерсти гладить, — говорить: «бьяша, бьяша!» А баранъ-то вдругъ какъ оскалить зубы, да ему тоже: «бьяша, бьяша»....

Не успѣлъ рассказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся.... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!».... Черезъ нѣсколько мгновений лай замолкъ; голосъ Павла принеся уже издалика.... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ-бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь: — такъ, что-то собаки зачужали. Я думалъ, волкъ, — прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка.... «Что за славный мальчикъ!» думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что-ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, — отвѣчалъ Павелъ: — да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Ильюшка, страхи рассказывалъ, — заговорилъ Федя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ-же онъ говорилъ мало, какъ-бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять.... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы?... Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходить, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ

ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Чтò, моль, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? — перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ.... Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо: — разрывъ-травы. — А на чтò тебѣ, батюшка Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы? — Давить, говоритъ, могила давить, Трофимычъ; вонъ хочется, вонъ....

— Вишь, какой! — замѣтилъ Ѳедя: — мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! промолвилъ Костя: — я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, — съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья.... — Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стòить только ночью сѣсть на паперть на церковную, да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ, у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видѣла она кого-нибудь? — съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала.... только все

какъ-будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то.... Вдругъ, смотритъ, идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась — Ивашка Оедосѣевъ идетъ....

— Тотъ, что умеръ весной? — перебилъ Оедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ.... А узнала его Ульяна.... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросилъ Оедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну что-жь, вѣдь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ, — налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, — замѣтилъ Павелъ. — Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, — промолвилъ Костя: — не праведна я-ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, — проговорилъ онъ наконецъ.
— А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Оедя:
— что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное? *

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ-же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напередки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что нà-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ тà, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: «кому теперь ѣсть», говоритъ: «наступило свѣтопреставленіе». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи, ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку ** увидятъ.

— Какого это Тришку? — спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Ильюша: — ну, братъ, откентелева-же ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ, а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напимѣрь, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ — такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга

* Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

** Въ повѣрьѣ о «Тришкѣ», вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикъ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — онъ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіанскій.... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего.... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, — продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ: — такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнетъ, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, чтò будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная.... всѣ какъ крикнуть: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!» да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричить, свою-же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ». Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила; жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять приумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми,

разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцаая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли.... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе....

Костя вздрогнулъ.... «Что̀ это?»

— Это цапля кричить, — спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, — повторилъ Костя.... А что̀ такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ быть, знаешь....

— Что̀ ты слышалъ?

— А вотъ что̀ я слышалъ. Шель я изъ Каменной-Гряды въ Шашкино; а шель сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью * выходитъ, — тамъ, вѣдь, есть бучило **; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ

* Сугибель — крутой поворотъ въ оврагѣ.

** Бучило — глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

жалостливо, жалостливо: у-у.... у-у.... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзненный. Такъ, вотъ, кажется, самъ-бы и заплакалъ.... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, — замѣтилъ Павлуша: — такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А. вѣдь, и то, братцы мои, — возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза.... Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія — продолжалъ Павелъ, — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки.... какія это.... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой). — Экъ ее! — невольно произнесъ Костя: — словно лѣшій кричить.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, — подхватилъ Ильюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещить....

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что-ли? — насмѣшливо перебилъ его Федя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны.... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говорить, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то,

моргаетъ ими, моргаетъ....

— Эхъ ты! — воскликнулъ Оедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами: — пфу!...

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? — замѣтилъ Павелъ: — право!

— Не бранись: смотри, услышитъ, — замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани: — гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе, тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А чтò, Ваня, — ласково заговорилъ Оедя: — что твоя сестра Анютка, здорова?

— Здорова, — отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?...

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? — спросилъ его Оедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку: — крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказалъ Ѳедея: — онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватить да потащить къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду.... А какое упалъ!... Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда-ли, спросилъ Костя: — что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ.... Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

— А говорятъ, продолжалъ Костя: — Акулина

оттого въ рѣку и кинулась, что ее любовникъ обмануль.

— Отъ того самаго.

— А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? — спросилъ Одея.

— А вотъ, того, что утонуль, — отвѣчалъ Костя: — въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой-же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Оеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Оеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятами, лѣтомъ, въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещетъ. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Оеклиста поставить корыто на земь и станеть его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!» — И какъ утонуль, Господь знаетъ. Играль на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ, съ тѣхъ поръ и Оеклиста не въ своемъ умѣ: — придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ, — вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится....

— А вотъ Павлуша идетъ, — молвилъ Одея.

Павель подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Чтò ребята, — началъ онъ, помолчавъ: — неладно дѣло.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: «Павлуша, а Павлуша, подь сюда». Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи — проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, — прибавилъ Ѳедя.... — А мы только-что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, — съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пуцай! — произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ-бы собираясь спать.

— Что это? — спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда-же они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяць взошелъ наконецъ: я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде.... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ-будто разливалась сырость.... Не долги лѣтнія ночи!... Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить при чуть-брезжущемъ, слабо-люющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понутивъ головы.... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, сидѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кое-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ

версть, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимъ холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной, пыльной дорогѣ, по сверкающимъ. обаграннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта.... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами, зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ....

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трѣхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343

въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ
Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвищахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное
пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrova@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русского языка.

Доступны на

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу:
<https://pravopisanie.xram-v-yazvichah.ru>, а также въ Интернет-магазинъ OZON.

Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]